

Агата Кристи
Убийство в «Восточном экспрессе»
Серия «Эркюль Пуаро», книга 10

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122042

Агата Кристи «Убийство в „Восточном экспрессе“», серия «Вся Кристи»: ЭКСМО; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-26625-8

Аннотация

На этот раз Эркюлю Пуаро придется расследовать убийства в поездах. В «Восточном экспрессе» он находит виновников жестокого убийства, случившегося в купе, – и окажется перед нелегким выбором между долгом сыщика и совестью честного человека...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Агата Кристи

Убийство в «Восточном экспрессе»

Часть I Факты

Глава 1

В экспресс «Тавры» садится значительное лицо

Ранним морозным утром, в пять часов по местному времени, вдоль платформы сирийской станции Алеппо вытянулся состав, который железнодорожные справочники торжественно именовали экспресс «Тавры». Экспресс состоял из вагона-ресторана, одного спального и двух вагонов местного сообщения.

У входа в спальный вагон молоденький лейтенант французской армии во всем великолепии своего мундира разговаривал с человечком, по уши укутанным во всевозможные шарфы и кашне, из-под которых высовывались лишь красный носик и кончики грозно закрученных усов.

Стоял пронизывающий холод, и провожать почетного гостя было делом отнюдь не завидным, но лейтенант Дюбоск мужественно выполнял свой долг. Он сыпал изысканнейшими фразами на изящнейшем французском языке. Хотя в чем дело, честно говоря, не понимал. Правда, по гарнизону, как бывает в подобных случаях, ходили какие-то слухи. А на генерала, того самого генерала, под началом которого служил лейтенант Дюбоск, стало все труднее угодить. И тогда откуда-то, чуть не из самой Англии, приехал этот бельгиец. Целую неделю весь гарнизон пребывал в непонятной тревоге. А потом пошло-поехало. Один весьма видный офицер покончил с собой, другой подал в отставку – и тревога отпустила военных, некоторые меры предосторожности были отменены. А генерал, тот самый, под началом которого служил лейтенант Дюбоск, словно помолодел лет на десять.

Дюбоск нечаянно подслушал обрывок разговора между «его» генералом и незнакомцем. «Вы спасли нас, мой друг, – прочувствованно говорил генерал, и его седые усы подрагивали. – Вы спасли честь французской армии, вы предотвратили кровопролитие! Не знаю, как и благодарить вас за то, что вы откликнулись на мою просьбу! Приехать в такую даль...»

На что незнакомец (его звали Эржюль Пуаро), как и полагается, отвечал: «Что вы, генерал, разве я мог забыть, что вы спасли мне жизнь?» Генерал в свою очередь, произнес какую-то подходящую случаю фразу, отрицая свои заслуги, и в разговоре вновь замелькали Франция, Бельгия, слава, честь и всякое тому подобное, затем друзья сердечно обнялись, и разговор закончился.

О чем, собственно, шла речь, лейтенант так до сих пор и не понял, но как бы то ни было, почетное поручение проводить Пуаро на экспресс «Тавры» было возложено именно на него, и он выполнял его с пылом и рвением, приличествующими многообещающему молодому офицеру.

– Сегодня воскресенье, – говорил лейтенант Дюбоск, – завтра вечером, то есть в понедельник, вы будете в Стамбуле.

Он уже не первый раз высказывал это соображение. Впрочем, разговоры, которые ведутся перед отходом поезда, всегда изобилуют повторами.

– Совершенно верно, – согласился Пуаро.

– Вы, видимо, остановитесь в Стамбуле на несколько дней?

– Mais oui¹. Мне не случалось бывать там. Было бы очень жаль проехать мимо, вот так. – И он выразительно щелкнул пальцами. – Я не спешу и могу посмотреть город.

– La Sainte Sophie² удивительно красива, – сказал лейтенант Дюбоск, который в жизни не видел этого собора.

Свирепый порыв ветра заставил мужчин поежиться. Лейтенант Дюбоск украдкой бросил взгляд на часы. Без пяти пять – всего пять минут до отхода. Боясь, что гость перехватил этот взгляд, он поспешил заполнить паузу.

– В это время года мало кто путешествует, – сказал он, оглядев окна спального вагона.

– Вы, пожалуй, правы, – поддакнул Пуаро.

– Будем надеяться, что вас не застигнут заносы в Таврских горах.

– А такое возможно?

– Вполне. Правда, в этом году бог миловал.

– Что ж, будем надеяться на лучшее, – сказал Пуаро. – Какие сводки погоды из Европы, плохие?

– Очень. На Балканах выпало много снега.

– В Германии, как мне говорили, тоже.

– Eh bien³, – чувствуя, что надвигается новая пауза, поспешно сказал лейтенант Дюбоск, – завтра вечером в семь сорок вы будете в Константинополе.

– Да, – сказал мсье Пуаро и, из последних сил стараясь поддержать разговор, добавил:

– Мне рассказывали, что Святая София поразительно красива.

– Видимо, просто великолепна.

В одном из купе поднялась шторка, и в окно выглянула молодая женщина.

– Ну что ж.

С тех самых пор, как Мэри Дебенхэм выехала в прошлый четверг из Багдада, она почти не спала. Не спала ни в поезде до Киркука, ни в комнатах отдыха пассажиров в Мосуле; не удалось ей выспаться и прошлой ночью в поезде. И теперь, устав лежать без сна в душном, жарко натопленном купе, она поднялась и выглянула в окно.

Это скорее всего Алеппо. Смотреть тут, конечно, не на что. Длинный, плохо освещенный перрон; где-то неподалеку яростно бранятся по-арабски. Двое мужчин под окном говорят по-французски. Один – французский офицер, другой – человек с огромными усами. Губы ее тронула легкая улыбка. Это ж надо так закутаться! Должно быть, в Алеппо очень холодно! Вот почему в поезде так безбожно топят. Она попыталась опустить окно пониже, но оно не поддавалось.

Проводник спального вагона подошел к мужчинам.

– Поезд отправляется, – сказал он. – Мсье пора в вагон.

Человечек снял шляпу. Ну и голова – ни дать ни взять яйцо! И, несмотря на одолевавшие ее заботы, Мэри Дебенхэм улыбнулась. Потешный человечек! Таких коротышек обычно никто не принимает всерьез. Лейтенант Дюбоск произнес прощальную речь. Он подготовил ее заранее и приберегал до последнего момента. Речь продуманную и блистательную.

Не желая уступить ему, Пуаро отвечал в том же духе.

– En voiture, – сказал проводник.

Всем своим видом показывая, как ему жаль расставаться с лейтенантом, Пуаро поднялся в вагон. Проводник последовал за ним. Пуаро помахал рукой, лейтенант отдал честь. Поезд, неистово рванув, медленно покотился по рельсам.

---

¹ Ну конечно (*фр.*). В дальнейшем перевод французских выражений дается без пометы (*фр.*).

² Святая София.

³ Ну что ж.

– Enfin⁴, – пробормотал Эркюль Пуаро.

– Брр... – поежился лейтенант Дюбоск – он только сейчас почувствовал, как продрог.

– Voilà⁵, мсье. – Проводник выразительным взмахом руки привлек внимание Пуаро к роскоши купе, особо отметив, как аккуратно и заботливо размещен багаж. – Чемоданчик, мсье, я поместил здесь.

Протянутая рука красноречиво намекала. Пуаро вложил в нее сложенную вдвое купюру.

– Merci⁶, мсье. – Проводник быстро перешел к делу: – Билеты мсье у меня. Пожалуйста паспорт. Мсье, как я понимаю, выходит в Стамбуле?

– В эту пору года, наверное, мало пассажиров? – спросил Пуаро.

– Совершенно верно, мсье. Кроме вас, в вагоне всего два пассажира – оба англичане.

Полковник из Индии и молодая англичанка из Багдада. Что еще угодно мсье?

Мсье заказал маленькую бутылку «Перрье».

Начинать путешествие в пять часов утра не слишком удобно. Надо как-то скоротать еще два часа до рассвета. Довольный тем, что успешно справился с щекотливой миссией, Пуаро забился в угол, свернулся клубочком и заснул с сознанием, что ему вряд ли придется выспаться.

Проснулся он уже в половине десятого и отправился в вагон-ресторан выпить кофе.

В вагоне-ресторане сидела всего одна посетительница, очевидно, та самая молодая англичанка, о которой упоминал проводник. Высокая, стройная брюнетка лет двадцати восьми. Держалась она непринужденно, и по тому, как она ела, как приказала официанту принести еще кофе, видно было, что она бывалая путешественница. Одета она была в темный дорожный костюм из какого-то тонкого материала – весьма уместный при здешней духоте.

Мсье Эркюль Пуаро от нечего делать исподтишка разглядывал англичанку.

«Решительная молодая женщина, – заключил он, – такая никогда не потеряет голову». У нее были непринужденные манеры и деловой вид. Ему, пожалуй, даже понравились ее строгие, правильные черты и прозрачная бледность кожи. Понравились волосы цвета воронова крыла, уложенные аккуратно волнами, и серые глаза, холодные и бесстрастные. «Но хорошенькой ее никак не назовешь, – решил он, – уж слишком она деловитая».

Вскоре в ресторан вошел еще один посетитель. Высокий мужчина не то за сорок, не то под пятьдесят. Худощавый, загорелый, с сидящими висками.

«Полковник из Индии», – подумал Пуаро.

Вошедший поклонился девушке:

– Доброе утро, мисс Дебенхэм.

– Доброе утро, полковник Арбэтнот.

Полковник остановился около девушки, оперся о спинку стула по другую сторону столика.

– Вы не возражаете? – спросил он.

– Конечно, нет. Садитесь.

– Знаете, за завтраком не очень-то хочется разговаривать.

– Вот именно. Но не бойтесь, я не кусаюсь.

Полковник сел.

– Человек! – властно подозвал он официанта и заказал яйца и кофе.

---

⁴ Наконец-то.

⁵ Вот.

⁶ Спасибо.

Взгляд его задержался на Эркюле Пуаро, но тут же равнодушно скользнул дальше. Эркюль Пуаро – он хорошо знал англичан – прочел мысль полковника: «Всего-навсего паршивый иностранец!»

Англичане, как им и полагалось, почти не разговаривали. Они обменялись несколькими фразами, после чего девушка встала и вернулась в свое купе.

За обедом они снова сидели за одним столиком и снова не замечали третьего пассажира. Теперь их разговор протекал более оживленно, чем во время завтрака. Полковник Арбэтнот рассказывал о Пенджабе и время от времени расспрашивал девушку о Багдаде, где, как выяснилось из разговора, она служила гувернанткой. Обнаружив в ходе беседы общих друзей, они сразу же оживились, стали менее чопорными. Вспоминали старину Томми такого-то и Джерри сякого-то. Полковник осведомился, едет ли мисс Дебенхэм прямо в Англию или остановится в Стамбуле.

– Нет, я не собираюсь останавливаться в Стамбуле.

– И вы об этом не жалеете?

– Я проделала такой же путь два года назад и провела тогда три дня в Стамбуле.

– Понятно. Что ж, должен сказать, я, со своей стороны, только рад этому: я ведь тоже не буду останавливаться в Стамбуле.

Он неловко поклонился и слегка покраснел.

«А наш полковник чувствителен к женским чарам», – подумал Эркюль Пуаро. Эта мысль его позабавила. Что ж, поездки по железной дороге способствуют романам не меньше морских путешествий.

Мисс Дебенхэм ответила, что ей это тоже очень приятно, но весьма сдержанным тоном.

Пуаро отметил, что полковник проводил ее до купе. Экспресс въехал в живописные Таврские горы. Когда в окне показались Киликийские ворота, Пуаро – он стоял неподалеку от англичан – услышал, как девушка со вздохом прошептала:

– Какая красота! Жаль, что я...

– Что вы – что?..

– Жаль, что я не могу наслаждаться ею!

Арбэтнот не ответил. На его квадратной челюсти заходили желваки.

– Видит бог, я много дал бы, чтобы избавить вас от этого.

– Тише, умоляю вас! Тише!

– Хорошо, хорошо! – Полковник метнул сердитый взгляд в сторону Пуаро и продолжал: – Мне неприятно, что вам приходится служить в гувернантках и быть на побегушках у сумасбродных мамаш и их капризных отпрысков.

Она весело засмеялась – обычная сдержанность покинула ее.

– Помилуйте, забытые гувернантки отошли в далекое прошлое. Уверяю вас, не я боюсь родителей, а они меня.

Они замолчали. Арбэтнот, по-видимому, застеснялся своего порыва.

«Интересная комедия здесь разыгрывается», – отметил Пуаро.

Это наблюдение он потом не раз вспоминал.

В Конью они прибыли поздно вечером, в половине двенадцатого. Англичане вышли на платформу размяться и теперь прохаживались взад-вперед по заснеженному перрону.

Пуаро довольствовался тем, что наблюдал за бурной жизнью станции в окошко. Однако минут через десять он решил, что и ему невредно подышать воздухом. Он тщательно оделся: облачился во всевозможные жилеты и пиджаки, обмотался шарфами и натянул на изящные ботинки калоши. Укутанный таким образом, он нетвердыми шагами спустился по лесенке, принялся мерить шагами перрон и так дошел до его конца.

Только по голосам он опознал две темные фигуры, смутно вырисовывающиеся в тени багажного вагона.

Говорил Арбэтнот:

– Мэри...

Девушка взволнованно прервала его:

– Нет, нет, не сейчас! Когда все будет кончено... Когда все будет позади... тогда...

Мсье Пуаро незаметно удалился. Он был озадачен: он едва узнал голос мисс Дебенхэм, всегда такой бесстрастной и деловитой.

«Любопытно», – сказал он про себя.

Назавтра ему показалось, что англичане поссорились. Они почти не разговаривали. Девушка казалась встревоженной. Под глазами у нее темнели синие круги.

В половине третьего поезд неожиданно остановился. Из окон выглядывали пассажиры. Небольшая группка людей, столпившихся возле рельсов, что-то показывала друг другу, тыча пальцами под вагон-ресторан.

Пуаро высунулся в окно, позвал пробежавшего мимо проводника. Проводник объяснил, в чем дело. Пуаро втянул голову в вагон, повернулся и едва не толкнул при этом Мэри Дебенхэм, которая стояла за его спиной.

– В чем дело? – спросила она по-французски; голос ее прерывался от волнения. – Почему мы стоим?

– Пустяки, мадемуазель. Что-то загорелось под вагоном-рестораном. Ничего серьезного. Пожар уже погасили. Повреждение быстро устранят. Уверяю вас, никакой опасности нет.

Она небрежно махнула рукой, показывая, что пожар ее несколько не пугает.

– Да, да, понимаю. Но сколько времени потеряно!

– Времени?

– Ну да, мы опоздаем...

– Вполне вероятно, – согласился Пуаро.

– Но я не могу опоздать! Поезд прибывает в Стамбул в шесть пятьдесят пять, а мне еще нужно пересечь Босфор и попасть на экспресс Симплон – Восток, который отходит в девять часов от другого берега. Если мы потеряем здесь час или два, я опоздаю на пересадку.

– Вполне вероятно, – согласился Пуаро. Он с любопытством наблюдал за ней. Рука ее на раме окна дрожала, губы тряслись. – Это так важно для вас, мадемуазель? – спросил он.

– Да. Очень важно. Я непременно должна попасть на этот поезд.

Она повернулась и пошла навстречу полковнику Арбэтноту, показавшемуся в конце коридора.

Опасения ее, однако, оказались напрасными. Не прошло и десяти минут, как поезд тронулся. Наверстав упущенное время, он прибыл в Хайдарпашу с опозданием всего на пять минут. Босфор в этот день бушевал – мсье Пуаро переправа далась нелегко. На пароходе он потерял из виду своих спутников и больше так и не встретился с ними.

От Галатского моста он поехал прямо в отель «Токатлиан».

Глава 2

Отель «Токатлиан»

В «Токатлиане» Эркюль Пуаро заказал номер с ванной. Потом подошел к конторке и спросил швейцара, нет ли для него писем.

Его ждали три письма и телеграмма. Увидев телеграмму, он удивленно вскинул брови. Вот уж чего никак не ожидал!

Как обычно, неторопливо и аккуратно, Пуаро развернул бланк. Четко напечатанный текст гласил:

«Неожиданно возникли осложнения, предсказанные Вами в деле Касснера, просим возвратиться».

– Voilà se qui est embêtant!⁷ – пробормотал Пуаро раздраженно.

Он взглянул на часы.

– Мне придется выехать сегодня же, – сказал он швейцару. – В какое время уходит экспресс Симплон – Восток?

– В девять часов, мсье.

– Вы можете купить билет в спальный вагон?

– Разумеется, мсье. Зимой это не составляет никакого труда. Поезда почти пустые. Вы хотите ехать первым классом или вторым?

– Первым.

– Отлично. Куда едет мсье?

– В Лондон.

– Хорошо, мсье. Я возьму вам билет до Лондона и закажу место в спальном вагоне Стамбул – Кале.

Пуаро снова взглянул на часы. Было без десяти восемь.

– Я успею поужинать?

– Разумеется, мсье.

Пуаро кивнул. Он подошел к конторке администратора, отказался от номера и проследовал через холл в ресторан.

Пуаро заказывал обед, когда на его плечо легла рука.

– Ah! Mon vieux!⁸ – раздался голос у него за спиной. – Вот уж кого не чаял увидеть!

Пуаро обернулся – приземистый пожилой толстяк с жестким ежиком волос радостно улыбался ему.

Пуаро вскочил:

– Мсье Бук!

– Мсье Пуаро!

Мсье Бук тоже был бельгиец, он служил директором Международной компании спальных вагонов; его знакомство с бывшим светилом бельгийской полиции уходило в глубь времен.

– А вы далеко заехали от дома, старина, – сказал мсье Бук.

– Расследовал одно небольшое дельце в Сирии.

– Вот оно что! И когда возвращаетесь домой?

– Сегодня же.

---

⁷ Какая досада!

⁸ А! Старина!

– Великолепно. Я тоже еду. Вернее, я еду только до Лозанны, у меня там дела. Вы, я полагаю, едете экспрессом Симплон – Восток?

– Да, я только что попросил достать мне купе. Рассчитывал пробыть здесь несколько дней, но неожиданно получил телеграмму – меня вызывают в Англию по важному делу.

– Ох уж эти дела! – вздохнул мсье Бук. – Зато вы теперь мировая знаменитость, мой друг!

– Да, кое-каких успехов мне удалось достичь, – сказал Пуаро, стараясь выглядеть скромно, что, однако, ему не удалось.

Бук засмеялся.

– Встретимся позже, – сказал он.

И Пуаро всецело сосредоточился на том, как бы уберечь от супа свои длинные усы. Справившись с этим, он в ожидании, пока ему принесут второе блюдо, стал разглядывать публику. В ресторане было всего человек пять-шесть, но из них Пуаро заинтересовался только двумя.

Они сидели неподалеку от него. Младший был симпатичный молодой человек лет тридцати, явно американец. Однако внимание маленького сыщика привлек не столько он, сколько его собеседник – мужчина лет шестидесяти, если не семидесяти. На первый взгляд у него была благодушная внешность типичного филантропа. Лысеющая голова, высокий лоб, улыбка, открывавшая два ряда неправдоподобно белых вставных зубов, – все, казалось, говорило о доброте. И только глаза – маленькие, глубоко посаженные, лживые – противоречили этому впечатлению. Впрочем, не они одни. Сказав что-то своему спутнику, старик оглядел комнату. Взгляд его на мгновение задержался на Пуаро, и в нем неожиданно промелькнули недоброжелательство и непонятная тревога. Он тут же поднялся.

– Заплатите по счету, Гектор, – распорядился он. Голос у него был хрипловатый. В нем таилась какая-то странная, приглушенная угроза.

Когда Пуаро встретился со своим другом в вестибюле, американцы покидали отель. Портье сносил в машину чемоданы. Молодой человек присматривал за ним. Потом открыл стеклянную дверь и сказал:

– Все готово, мистер Рэтчетт.

Старик что-то буркнул и вышел.

– Что вы думаете об этой паре? – спросил Пуаро.

– Они американцы, – сказал мсье Бук.

– Это само собой разумеется. Я хотел спросить, как они вам понравились?

– Молодой человек показался мне симпатичным.

– А тот, второй?

– Сказать по правде, мой друг, он произвел на меня неприятное впечатление. Нет, он решительно мне не понравился. А вам?

Пуаро помедлил с ответом.

– Когда там, в ресторане, он прошел мимо меня, – сказал наконец Пуаро, – у меня появилось странное ощущение, словно мимо меня прошел дикий, вернее сказать, хищный зверь – понимаете меня? – настоящий хищник!

– Но вид у него самый что ни на есть respectable.

– Вот именно! Тело как клетка: снаружи все очень respectable, но сквозь прутья выглядывает хищник!

– У вас богатое воображение, старина, – сказал мсье Бук.

– Может быть, и так. Но я не могу отделаться от впечатления, что само зло прошло совсем рядом со мной.

– Вы про этого почтенного американца?

– Да, про этого почтенного американца.

– Что ж, – сказал мсье Бук жизнерадостно, – возможно, вы и правы. На свете так много зла.

Двери открылись, к ним подошел швейцар. Вид у него был озабоченный и виноватый.

– Это просто невероятно, мсье! – обратился он к Пуаро. – Все купе первого класса в этом поезде проданы.

– Как? – вскричал мсье Бук. – Сейчас? В мертвый сезон? Не иначе как едет группа журналистов или политическая делегация.

– Не могу знать, сэр, – почтительно вытянулся швейцар. – Но купе достать невозможно.

– Ну ничего, – обратился мсье Бук к Пуаро. – Не беспокойтесь, мой друг. Что-нибудь придумаем. На крайний случай мы оставляем про запас одно купе – купе номер шестнадцать. Проводник всегда придерживает его. – Он улыбнулся и взглянул на часы: – Нам пора.

На станции мсье Бука почтительно приветствовал проводник спального вагона, облаченный в коричневую форму:

– Добрый вечер, мсье. Вы занимаете купе номер один.

Он подозвал носильщиков, и те покатали багаж к вагону, на жестяной табличке которого значилось: СТАМБУЛ – ТРИЕСТ – КАЛЕ.

– Я слышал, у вас сегодня все места заняты?

– Нечто небывалое, мсье. Похоже, весь свет решил путешествовать именно сегодня.

– И тем не менее вам придется подыскать купе для этого господина. Он мой друг, так что можете отдать ему купе номер шестнадцать.

– Оно занято, мсье.

– Как? И шестнадцатое занято?

Они обменялись понимающими взглядами, и проводник – высокий мужчина средних лет, с бледным лицом – улыбнулся:

– Я уже говорил, мсье, что у нас все до единого места заняты.

– Да что тут происходит? – рассердился мсье Бук. – Уж не конференция ли где-нибудь? Или едет делегация?

– Нет, мсье, чистая случайность. По простому совпадению все эти люди решили выехать именно сегодня.

Мсье Бук раздраженно щелкнул языком.

– В Белграде, – сказал он, – прицепят афинский вагон и вагон Бухарест – Париж, но в Белград мы прибудем только завтра вечером. Значит, вопрос в том, куда поместить вас на эту ночь. У вас нет свободного места в купе второго класса? – обратился он к проводнику.

– Есть одно место во втором классе, мсье...

– Ну так в чем же дело?

– Видите ли, туда можно поместить только женщину. Там уже едет одна немка – горничная нашей пассажирки.

– Как неудачно! – сказал мсье Бук.

– Не огорчайтесь, мой друг, – утешил его Пуаро. – Я могу поехать в обыкновенном вагоне.

– Ни в коем случае! – Мсье Бук снова повернулся к проводнику: – Скажите, все места заняты?

– По правде сказать, одно место пока свободно, – не сразу ответил проводник.

– Продолжайте!

– Место номер семь в купе второго класса. Пассажир пока не прибыл, но остается еще четыре минуты до отхода поезда.

– Кто такой?

– Какой-то англичанин. – Проводник заглянул в список. – Некий А.М. Харрис.

– Хорошее предзнаменование, – сказал Пуаро. – Если я не забыл еще Диккенса, мистер Харрис⁹ не появится.

– Отнесите багаж мсье на седьмое место, – приказал мсье Бук. – А если этот мистер Харрис появится, скажете ему, что он опоздал: мы не можем так долго держать для него место, – словом, так или иначе уладьте это дело. И вообще какое мне дело до мистера Харриса?

– Как вам будет угодно, – сказал проводник и объяснил носильщику, куда нести багаж. Потом, отступив на шаг, пропустил Пуаро в поезд. – В самом конце, мсье, – окликнул он, – ваше купе предпоследнее.

Пуаро продвигался довольно медленно: чуть не все отъезжающие толпились в коридоре. Поэтому он с регулярностью часового механизма то и дело извинялся. Наконец добравшись до отведенного ему купе, он застал там высокого молодого американца из отеля «Токатлиан» – тот забрасывал чемодан на полку.

При виде Пуаро он нахмурился.

– Извините, – сказал он. – Боюсь, что вы ошиблись. – И старательно повторил по-французски: – Je crois que vous avez une erreur.

Пуаро ответил по-английски:

– Вы мистер Харрис?

– Нет, меня зовут Маккуин. Я...

В этот момент за спиной Пуаро раздался виноватый, пересекающийся голос проводника:

– В вагоне больше нет свободных мест, мсье. Господину придется ехать в вашем купе.

С этими словами проводник опустил окно в коридор и начал принимать от носильщика багаж Пуаро.

Пуаро позабавили виноватые нотки в голосе проводника. Наверняка ему пообещали хорошие чаевые, если он больше никого не впустит в купе. Однако даже самые щедрые чаевые бессильны помочь, если речь идет о приказе директора компании.

Закинув чемоданы на полку, проводник вынырнул из купе:

– Все в порядке, мсье. Ваше место седьмое, верхняя полка. Через минуту поезд отправляется. – Он кинулся в конец коридора.

Пуаро вернулся в купе.

– Где это видано, чтобы проводник сам втаскивал багаж! – заметил он весело. – Сказать – не поверят!

Попутчик улыбнулся. Он, судя по всему, справился с раздражением, видно, решил, что следует отнестись к этой неприятности философски.

– Поезд, как ни странно, набит до отказа, – сказал он.

Раздался свисток дежурного, потом долгий тоскливый паровозный гудок. Мужчины вышли в коридор.

На перроне прокричали:

– En voiture!

– Поехали, – сказал Маккуин.

Но они не тронулись с места. Свисток раздался вновь.

– Слушайте, сэр, – сказал вдруг молодой человек, – может, вы хотите ехать на нижней полке – знаете ли, удобнее и все такое... Пожалуйста, мне совершенно все равно, где ехать.

«Приятный молодой человек», – подумал Пуаро.

– Нет, нет, что вы, – запротестовал он, – мне бы не хотелось вас стеснять...

---

⁹ В романе Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит» (1844) одна из героинь, Сара Гэмп, для подтверждения своей правоты ссылается на выдуманную ею подругу – некую миссис Харрис.

– Право, мне совершенно...

– Но мне неловко...

Последовал обмен любезностями.

– Я проведу здесь всего одну ночь, – объяснил Пуаро. – В Белграде...

– Понятно. Вы сходите в Белграде?

– Не совсем так. Видите ли...

Вагон дернуло. Мужчины повернулись к окну – стали смотреть, как мимо них проплывает длинный, залитый огнями перрон.

«Восточный экспресс» отправился в трехдневное путешествие по Европе.

Глава 3

Пуаро отказывает клиенту

На другой день Эркюль Пуаро явился в вагон-ресторан к обеду с небольшим опозданием. Встал он рано, завтракал чуть не в полном одиночестве, потом все утро изучал записи по делу, из-за которого его вызвали в Лондон. Своего спутника он почти не видел.

Мсье Бук – он уже сидел за столиком – приветственно помахал рукой, приглашая своего друга занять место напротив него. Вскоре Пуаро понял, за какой стол он попал, – его обслуживали первым и подавали самые лакомые блюда. Еда тут, надо сказать, была удивительно хороша.

Мсье Бук позволил себе отвлечь внимание от трапезы лишь тогда, когда они перешли к нежному сливочному сыру. Мсье Бук был уже на той стадии насыщения, когда тянет фило-софствовать.

– Будь у меня талант Бальзака, – вздохнул он, – я бы обязательно описал вот это! – И он обвел рукой ресторан.

– Неплохая мысль, – сказал Пуаро.

– Вы со мной согласны? Кажется, такого в литературе еще не было. А между тем в этом есть своя романтика, друг мой. Посмотрите – вокруг нас люди всех классов, всех национальностей, всех возрастов. В течение трех дней эти совершенно чужие друг другу люди неразлучны – они спят, едят под одной крышей. Проходит три дня, они расстаются с тем, чтобы никогда больше не встретиться, и каждый идет своим путем.

– Однако, – сказал Пуаро, – представьте какой-нибудь несчастный случай...

– Избави бог, мой друг...

– Я понимаю, что, с вашей точки зрения, это было бы весьма нежелательно. И все же давайте хоть на минуту представим себе такую возможность. Предположим, что всех людей, собравшихся здесь, объединила, ну, скажем, к примеру, смерть.

– Не хотите ли еще вина? – предложил мсье Бук и поспешно разлил вино по бокалам. – Вы мрачно настроены, мой друг. Наверное, виновато пищеварение.

– Вы правы в одном, – согласился Пуаро, – мой желудок мало приспособлен к сирийской кухне.

Он отхлебнул вина. Откинулся на спинку стула и задумчиво окинул взглядом вагон. В ресторане сидели тринадцать человек, и, как верно подметил мсье Бук, здесь были представители самых разных классов и национальностей. Пуаро внимательно их разглядывал.

За столом напротив сидели трое мужчин. Ресторанный официант с присущим ему безошибочным чутьем распознал мужчин, путешествующих в одиночку, и собрал их за один столик. Смуглый верзила итальянец смачно ковырял в зубах. Напротив него сидел тощий прилизанный англичанин с брюзгливым невозмутимым лицом типичного слуги из хорошего дома. Рядом с англичанином развалился огромный американец в пестром пиджаке – скорее всего коммивояжер.

– В нашем деле главное – размах, – говорил он зычным гнусавым голосом.

Итальянец, вытащив изо рта зубочистку, размахивал ею.

– Ваша правда. И я то же говорю, – сказал он.

Англичанин поглядел в окно и откашлялся. Пуаро перевел взгляд в глубь вагона. За маленьким столиком сидела прямая как палка, на редкость уродливая старуха. Однако уродство ее было странного характера – оно скорее завораживало и притягивало, чем отталкивало. Ее шею обвивали в несколько рядов нити очень крупного жемчуга, причем, как ни трудно было в это поверить, настоящего. Пальцы ее были унизаны кольцами. На плечи накинута соболья шуба. Элегантный бархатный ток никак не красил желтое жабье лицо.

Спокойно и вежливо, но в то же время властно она разговаривала с официантом:

– Будьте добры, позаботьтесь, чтобы мне в купе поставили бутылку минеральной воды и большой стакан апельсинового сока. И распорядитесь, чтобы к ужину приготовили цыпленка – никакого соуса не нужно – и отварную рыбу.

Официант почтительно заверил ее, что все будет исполнено. Она милостиво кивнула ему и встала. Взгляд ее на мгновение остановился на Пуаро и с подлинно аристократической небрежностью скользнул по нему.

– Это княгиня Драгомирова, – шепнул ему мсье Бук, – она русская. Ее муж еще до революции перевел все свои капиталы за границу. Баснословно богата. Настоящая космополитка.

Пуаро кивнул. Он был наслышан о княгине Драгомировой.

– Незаурядный характер, – сказал мсье Бук. – Страшна как смертный грех, но умеет себя поставить. Вы согласны?

Пуаро был согласен.

За другим столиком, побольше, сидели Мэри Дебенхэм и еще две женщины. Высокая, средних лет особа в клетчатой блузе и твидовой юбке, с желтыми выцветшими волосами, собранными на затылке в большой узел, – прическа эта совершенно не шла к ее очкам и длинному добродушному лицу, в котором было что-то овечье, – внимательно слушала третью женщину, толстую пожилую американку с симпатичным лицом. Та медленно и заунывно рассказывала что-то, не останавливаясь даже, чтобы перевести дух:

– И тут моя дочь и говорит: «Мы не можем применять в этой стране наши американские методы. Люди здесь от природы ленивые. Они просто не могут спешить». И тем не менее наш колледж достиг замечательных успехов. Там такие прекрасные учителя! Да, образование – великая вещь. Мы должны внедрять наши западные идеалы и добиться, чтобы Восток признал их. Моя дочь говорит...

Поезд нырнул в туннель. И заунывный голос стал не слышен.

Дальше за маленьким столиком сидел в полном одиночестве полковник Арбэтнот. Он не сводил глаз с затылка Мэри Дебенхэм. Теперь они сидели порознь. А ведь ничто не мешало им сидеть вместе. В чем же дело?

«Возможно, – подумал Пуаро, – на этом настояла Мэри Дебенхэм. Гувернантке приходится соблюдать осторожность. Ей нельзя пренебрегать приличиями. Девушке, которая должна зарабатывать себе на жизнь, приходится быть благоразумной».

Он перевел взгляд на столики по другую сторону вагона. В дальнем конце, у самой стены, сидела немолодая женщина, одетая в черное, с крупным невыразительным лицом. «Немка или шведка, – подумал он. – По всей вероятности, та самая немка-горничная».

За следующим столиком мужчина и женщина оживленно разговаривали, наклонясь друг к другу. Несмотря на свободный твидовый костюм английского покроя, мужчина был явно не англичанин. И хотя Пуаро видел его только сзади, форма и посадка головы выдавали его континентальное происхождение. Рослый мужчина, хорошо сложенный. Внезапно он повернул голову, и Пуаро увидел его профиль. Очень красивый мужчина лет тридцати, с большими русыми усами.

Женщина, сидевшая напротив, казалась совсем юной – лет двадцати, не больше. Одетая она была в облегающий черный костюм, белую английскую блузку; сдвинутая набок элегантная черная шляпка лишь чудом держалась на ее голове. Она была красива экзотической, непривычной красотой – матово-бледная кожа, огромные карие глаза, иссиня-черные волосы. Она курила сигарету в длиннющем мундштуке. Ногти на выхоленных руках были кроваво-красного цвета. Всего одно кольцо – большой изумруд, оправленный в платину, сверкал на ее пальце. Ее поведение свидетельствовало о кокетливом характере.

– Elle est jolie et chie¹⁰, – пробормотал Пуаро. – Муж и жена, я угадал?

Мсье Бук кивнул.

– Кажется, они из венгерского посольства, – сказал он. – Красивая пара!

Кроме Пуаро, только Маккуин и его хозяин мистер Рэтчетт еще не кончили обедать. Последний сидел напротив Пуаро, и тот еще раз пригляделся к этому неприятному лицу, отметил обманчивое добродушие черт и злое выражение крошечных глазок. Мсье Бук, очевидно, заметил, как переменялось лицо его друга.

– Это вы на хищника смотрите? – спросил он. Пуаро кивнул.

Тут Пуаро принесли кофе, и мсье Бук встал. Он приступил к обеду несколько раньше и поэтому давно с ним расправился.

– Я иду к себе, – сказал он. – Приходите сразу после обеда поболтать.

– С удовольствием.

Пуаро не спеша выпил кофе и заказал ликер. Официант обходил столики – получал деньги по счету и складывал в коробочку. По вагону-ресторану разносился жалобный голос пожилой американки:

– Дочь мне говорит: «Приблуди книжку талонов на питание – и не будешь знать никаких забот». Как бы не так – никаких забот! А им, выходит, десять процентов чаевых надо давать да за минеральную воду платить – и вода еще какая-то подозрительная. Ни эвианской минеральной, ни виши у них нет – как это понимать?

– Они должны... э-э... как это по-английски... должны давать местная вода, – объяснила дама с овечьим лицом.

– Да, а я все равно этого не пойму. – Американка с отвращением посмотрела на лежащую перед ней кучку мелочи. – Вы посмотрите, чего он мне надавал! Это динары или нет? Какой-то у них сомнительный вид. Моя дочь говорит...

Мисс Дебенхэм отодвинула стул и, кивнув соседкам по столу, удалилась. Полковник Арбэтнот поднялся и вышел вслед за ней. За ним, собрав презренные динары, двинулась американка, а за ней дама с овечьим лицом. Венгры ушли еще раньше, и теперь в ресторане остались только Пуаро, Рэтчетт и Маккуин. Рэтчетт сказал что-то своему секретарю, после чего тот поднялся и пошел к выходу. Рэтчетт тоже встал, но, вместо того чтобы последовать за Маккуином, неожиданно опустился на стул напротив Пуаро.

– У вас не найдется спичек? – спросил он. Голос у него был тихий и немного гнусавый. – Моя фамилия Рэтчетт.

Пуаро слегка поклонился, полез в карман, вытащил коробок и вручил его собеседнику. Рэтчетт взял коробок, но прикуривать не стал.

– Если не ошибаюсь, – сказал он, – я имею честь говорить с мистером Эркюлем Пуаро. Не так ли?

Пуаро снова поклонился:

– Совершенно верно, мсье.

Сыщик чувствовал, как сверлят его злобные глазки собеседника, – тот, казалось, оценивает его, прежде чем снова заговорить.

– У меня на родине, – сказал он наконец, – мы привыкли брать быка за рога. Мсье Пуаро, я хочу предложить вам одну работу.

Пуаро приподнял брови:

– Я весьма сузил круг своих клиентов, мсье. Теперь я берусь лишь за исключительные случаи.

– Я вполне вас понимаю. Но речь идет о больших деньгах, мсье Пуаро. – И повторил тихо и вкрадчиво: – Об очень больших деньгах.

---

¹⁰ Очень мила и какая элегантная.

Пуаро помолчал минуту-две, потом сказал:

– Какого рода работу вы хотите, чтобы я выполнил для вас, мистер... э... Рэтчетт?

– Мсье Пуаро, я богатый человек, даже очень богатый. А у людей в моем положении бывают враги. У меня есть враг.

– Только один?

– Что вы хотите этим сказать? – взвился Рэтчетт.

– Мсье, мой опыт подсказывает, что, когда у человека, как вы сами сказали, могут быть враги, одним врагом дело не ограничивается.

Ответ Пуаро как будто успокоил Рэтчетта.

– Я понимаю, что вы имели в виду, – сказал он. – Враг или враги – не это суть важно. Важно оградить меня от них и обеспечить мою безопасность.

– Безопасность?

– Моя жизнь в опасности, мсье Пуаро. Должен вам сказать, что я умею за себя постоять. – И он вытянул из кармана пиджака небольшой пистолет. – Я не дурак, и меня не захватишь врасплох, – продолжал он угрюмо. – Однако, мне думается, в таком случае имеет смысл подстраховаться. Я считаю, что вы именно тот человек, который мне нужен. И денег я не пожалею. Учтите, больших денег.

Пуаро задумчиво смотрел на Рэтчетта. Прошло несколько минут. Лицо великого сыщика было непроницаемо.

– Весьма сожалею, мсье, – сказал он наконец, – но никак не могу принять ваше предложение.

Рэтчетт понимающе на него посмотрел.

– Назовите вашу сумму, – предложил он.

Пуаро покачал головой:

– Вы меня не поняли, мсье. Я добился в своей профессии известного успеха. И заработал достаточно денег, чтобы удовлетворить не только мои нужды, но и мои прихоти. Так что теперь я беру лишь дела, представляющие для меня интерес.

– А у вас крепкая хватка, – сказал Рэтчетт. – Ну а двадцать тысяч долларов вас не соблазнят?

– Нет, мсье.

– Если вы хотите вытянуть из меня больше, этот номер не пройдет. Я знаю, что почем.

– Я тоже, мистер Рэтчетт.

– Чем же вас не устраивает мое предложение?

Пуаро встал.

– Не хотелось бы переходить на личности, но мне не нравиться вы, мистер Рэтчетт, – сказал Пуаро и вышел из вагона.

Глава 4

Крик в ночи

Экспресс Симплон – Восток прибыл в Белград без четверти девять. Здесь предстояла получасовая стоянка, и Пуаро вышел на перрон. Однако гулял он очень недолго. Стоял сильный мороз, мела метель, навес над перроном служил плохой защитой, и Пуаро вскоре вернулся к своему вагону. Проводник – чтобы согреться, он изо всех сил бил в ладоши и топал ногами – обратился к Пуаро:

- Ваши чемоданы, мсье, перенесли в купе номер один, прежде его занимал мсье Бук.
- А где же мсье Бук?
- Он перебрался в афинский вагон – его только что прицепили.

Пуаро пошел разыскивать своего друга, но тот решительно отмахнулся от него:

– Что за пустяки! Так будет лучше. Ведь вы едете в Англию, и вам удобнее ехать до Кале без пересадок. А мне и здесь очень хорошо. Вагон совсем пустой, я и грек-доктор – вот и все пассажиры. До чего мерзкая погода, мой друг! Говорят, такого снегопада не было уже много лет. Будем надеяться, что заносы нас не задержат. Должен вам признаться, меня они очень тревожат.

Ровно в 9.15 поезд тронулся. Вскоре Пуаро встал, пожелал мсье Буку спокойной ночи и вернулся в свой вагон, который был сразу за рестораном.

На второй день путешествия барьеры, разделявшие пассажиров, стали рушиться. Полковник Арбэтнот, стоя в дверях своего купе, разговаривал с Маккуином.

Увидев Пуаро, Маккуин оборвал разговор на полуслове. На лице его изобразилось живейшее изумление.

– Как же так? – воскликнул он. – Я думал, вы сошли. Вы же сказали, что сойдете в Белграде.

– Вы меня не так поняли, – улыбнулся Пуаро. – Теперь я вспоминаю: как раз когда мы заговорили об этом, поезд тронулся.

- Но как же... А ваш багаж – куда он делся?
- Его перенесли в другое купе, только и всего.
- Понимаю...

Он возобновил разговор с Арбэтнотом, и Пуаро прошел дальше.

За две двери от его купе пожилая американка миссис Хаббард разговаривала с похожей на овцу шведской дамой. Миссис Хаббард навязывала ей какой-то журнал:

– Нет, нет, берите, берите его, голубушка, у меня есть что читать. Ужасный холод, правда? – приветливо кивнула она Пуаро.

- Не знаю, как вас благодарить, – говорила шведка.
- Пустяки! Хорошенько выспитесь, и тогда утром у вас не будет болеть голова.
- Это все от простуды. Пойду приготовлю себе чашечку чаю.
- У вас есть аспирин? Вы уверены? А то у меня большие запасы. Спокойной ночи, голубушка.

Как только ее собеседница отошла, американка обратилась к Пуаро:

– Бедняга шведка. Насколько я понимаю, она работает в какой-то миссии – что-то там преподает. Добрейшее существо, жаль, что она так плохо говорит по-английски. Ей было очень интересно послушать о моей дочери.

Пуаро знал уже решительно все о дочери миссис Хаббард. Да и остальные пассажиры тоже – во всяком случае, те, которые понимали по-английски. Как они с мужем работают в большом американском колледже в Смирне, и как миссис Хаббард в первый раз поехала на Восток, и какие неряшливые турки, и какие ужасные у них дороги!

Дверь соседнего купе отворилась. Из него вышел тощий и бледный лакей. Пуаро мельком увидел Рэтчетта – тот сидел на постели. При виде Пуаро лицо его почернело от злобы. Дверь тут же закрылась.

Миссис Хаббард отвела Пуаро в сторону.

– Знаете, я ужасно боюсь этого человека. Нет, нет, не лакея, а его хозяина. Тоже мне, хозяин! Мне он подозрителен. Моя дочь всегда говорит, что у меня очень развита интуиция. «Уж если мамочке кто не понравится, – говорит она, – значит, это неспроста». А этот человек мне сразу не понравился. И надо же чтобы он оказался моим соседом! Прошлой ночью я даже приставила к двери свои вещи. Мне показалось, он дергает дверную ручку. И знаете, я бы ничуть не удивилась, если бы он оказался убийцей, из тех самых, что орудуют в поездах. Может, это и глупые страхи, но я ничего не могу с собой поделать. Я его до смерти боюсь. Дочь мне говорила, что я и сама не замечу, как окажусь дома, а у меня на сердце все равно беспокойно. Может быть, это и глупые страхи, но я чувствую, что вот-вот случится что-то ужасное. И как только этот симпатичный молодой человек может у него работать?

Навстречу им шли Маккуин и полковник Арбэтнот.

– Пойдемте ко мне, – говорил Маккуин, – у меня еще не стелили на ночь. Так вот, скажите мне откровенно, почему ваша политика в Индии...

Миновав их, мужчины скрылись в купе Маккуина.

Миссис Хаббард попрощалась с Пуаро.

– Пойду лягу, почитаю на сон грядущий, – сказала она. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Пуаро прошел в свое купе – оно было рядом с купе Рэтчетта. Разделся, лег в постель, почитал с полчаса и погасил свет.

Через несколько часов он проснулся – его словно подкинуло. Его разбудил громкий стон, почти крик, где-то рядом – это он помнил. И чуть ли не одновременно раздался звонок.

Пуаро сел на кровати, включил свет. Он заметил, что поезд стоит – наверное, на какой-то станции.

Крик взбудоражил его. Пуаро вспомнил, что рядом с ним купе Рэтчетта. Он встал и приоткрыл дверь в коридор. Проводник, прибежавший из другого конца вагона, постучал в дверь Рэтчетта. Пуаро наблюдал за ним через щелку в двери. Проводник постучал второй раз. В это время зазвонил звонок и замигала лампочка еще на одной двери дальше по коридору. Проводник оглянулся.

За дверью соседнего купе сказали:

– *Ce n'est rien. Je me suis trompé*¹¹.

– Хорошо, мсье. – Проводник заторопился к двери, на которой зажглась лампочка.

С облегчением вздохнув, Пуаро лег и, перед тем как потушить свет, взглянул на часы. Было без двадцати трех час.

---

¹¹ Не беспокойтесь. Я ошибся.

Глава 5

Преступление

Ему не сразу удалось заснуть. Во-первых, мешало, что поезд стоит. Если это станция, то почему на перроне так тихо? В вагоне же, напротив, было довольно шумно. Пуаро слышал, как в соседнем купе возится Рэтчетт: звякнула затычка, в умывальник полилась вода; послышался плеск, и снова звякнула затычка. По коридору зашаркали шаги – кто-то шел в шлепанцах.

Пуаро лежал без сна, глядя в потолок. Почему на станции так тихо? В горле у него пересохло. Как нарочно, он забыл попросить, чтобы ему принесли минеральной воды. Пуаро снова посмотрел на часы. Четверть второго. Надо позвонить проводнику и попросить минеральной воды. Он потянулся было к кнопке, но его рука на полпути замерла: в окружающей тишине громко зазвенел звонок. Какой смысл: проводник не может одновременно пойти на два вызова.

Дзинь-дзинь-дзинь – надрывался звонок. Интересно, куда девался проводник? Звонивший явно нервничал.

Дзинь...

Пассажир уже не снимал пальца со звонка. Наконец появился проводник – его шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Он постучал в дверь неподалеку от купе Пуаро. Послышались голоса: разубеждающий, извиняющийся – проводника и настойчивый и упорный – какой-то женщины. Ну конечно же, миссис Хаббард!

Пуаро улыбнулся. Спор – если это был спор – продолжался довольно долго. Говорила в основном миссис Хаббард, проводнику лишь изредка удавалось вставить слово. В конце концов все уладилось. Пуаро явственно расслышал: «*Bonne nuit*¹², мадам», – и шум захлопнувшейся двери. Он нажал кнопку звонка.

Проводник незамедлительно явился. Он совсем запарился – вид у него был встревоженный.

– *De l'eau minérale, s'il vous plait*¹³.

– *Bien*¹⁴, мсье.

Вероятно, заметив усмешку в глазах Пуаро, проводник решил излить душу:

– *La dame américaine...*¹⁵

– Что?

Проводник утер пот со лба:

– Вы не представляете, чего я от нее натерпелся! Заладила, что в ее купе скрывается мужчина, и хоть кол на голове теши. Вы только подумайте, мсье, в таком крохотном купе! – Он обвел купе рукой. – Да где ж ему там спрятаться? Спорю с ней, доказываю, что это невозможно, – все без толку. Говорит, она проснулась и увидела у себя в купе мужчину. Да как же, спрашиваю, тогда он мог выйти из купе, да еще дверь за собой задвинуть на засов? И слушать ничего не желает. Как будто у нас и без нее не хватает забот. Заносы...

– Заносы?

– Ну да. Разве вы не заметили? Поезд давно стоит. Мы въехали в полосу заносов. Бог знает сколько мы еще здесь простоям! Я помню, однажды мы так простояли целую неделю.

– Где мы находимся?

---

¹² Спокойной ночи.

¹³ Принесите, пожалуйста, минеральной воды.

¹⁴ Хорошо.

¹⁵ Эта американская дама...

– Между Виньковцами и Бродом.

– La, la!¹⁶ – сказал Пуаро раздраженно. Проводник ушел и вернулся с минеральной водой.

– Спокойной ночи, мсье.

Пуаро выпил воды и твердо решил уснуть.

Он уже почти заснул, когда его снова разбудили. На этот раз, как ему показалось, снаружи о дверь стукнулось что-то тяжелое.

Пуаро подскочил к двери, выглянул в коридор. Никого. Направо по коридору удалялась женщина в красном кимоно, налево сидел проводник на своей скамеечке и вел какие-то подсчеты на больших листах бумаги. Стояла мертвая тишина.

«У меня определенно нервы не в порядке», – решил Пуаро и снова улегся в постель. На этот раз он уснул и проспал до утра.

Когда он проснулся, поезд все еще стоял. Пуаро поднял штору и посмотрел в окно. Огромные сугробы подступали к самому поезду. Он взглянул на часы – было начало десятитого.

Без четверти десять аккуратный, свежий и, как всегда, расфранченный, Пуаро прошел в вагон-ресторан. Тут царил уныние.

Барьеры, разделявшие пассажиров, были окончательно сметены. Общее несчастье объединило их. Громче всех причитала миссис Хаббард:

– Моя дочь меня уверяла, что это самая спокойная дорога. Говорит, сядешь в вагон и выйдешь лишь в Париже. А теперь оказывается, что мы можем бог знает сколько здесь проторчать. А у меня пароход отправляется послезавтра. Интересно, как я на него попаду? Я даже не могу попросить, чтобы аннулировали мой билет. Просто ум за разум заходит, когда подумаешь об этом.

Итальянец сказал, что у него самого неотложные дела в Милане. Огромный американец посочувствовал: «Да, паршивое дело, мэм», – и выразил надежду, что поезд еще наверстает упущенное время.

– А моя сестра? Ее дети меня встречают, – сказала шведка и заплакала. – Я не могу их предупреждать. Что они будут думать? Будут говорить, с тетей было плохо.

– Сколько мы здесь пробудем? – спросила Мэри Дебенхэм. – Кто-нибудь может мне ответить?

Голос ее звучал нетерпеливо, однако Пуаро заметил, что в нем не слышалось той лихорадочной тревоги, как тогда, когда задерживался экспресс «Тавры».

Миссис Хаббард снова затараторила:

– В этом поезде никто ничего не знает. И никто ничего не пытается сделать. А чего еще ждать от этих бездельников-иностранцев? У нас хоть старались бы что-нибудь предпринять.

Арбэтнот обратился к Пуаро и заговорил, старательно выговаривая французские слова на английский манер:

– Vous etes un directeur de la ligne, je crois, monsieur. Vous pouvez nous dire...¹⁷

Пуаро, улыбнувшись, поправил его.

– Нет, нет, – сказал он по-английски, – вы ошибаетесь. Вы спутали меня с моим другом, мсье Буком.

– Простите.

– Пожалуйста. Ваша ошибка вполне понятна. Я занимаю купе, где прежде ехал он.

Мсье Бука в ресторане не было. Пуаро огляделся, выясняя, кто еще отсутствует.

---

¹⁶ Вот где!

¹⁷ Насколько я понимаю, вы директор компании, мсье. Не можете ли вы сказать...

Отсутствовали княгиня Драгомирова и венгерская пара, а также Рэтчетт, его лакей и немка-горничная.

Шведка вытирала слезы.

– Я глупая, – говорила она. – Такая нехорошая плакать. Что бы ни случилось, все к лучшему.

Однако далеко не все разделяли эти подлинно христианские чувства.

– Все это, конечно, очень мило, – горячился Маккуин, – но неизвестно, сколько еще нам придется здесь проторчать!

– И где мы, что это за страна, может кто-нибудь мне сказать? – чуть не плача, вопрошала миссис Хаббард.

Когда ей объяснили, что они в Югославии, она сказала:

– Чего еще ожидать от этих балканских государств?

– Вы единственный терпеливый пассажир, мадемуазель, – обратился Пуаро к Мэри Дебенхэм.

Она пожала плечами:

– А что еще остается делать?

– Да вы философ, мадемуазель!

– Для этого нужна отрешенность. А я слишком эгоистична. Просто я научилась не расходовать чувства попусту.

Казалось, она говорит скорее сама с собой, чем с Пуаро. На него она и не глядела. Взгляд ее был устремлен за окно, на огромные сугробы.

– У вас сильный характер, мадемуазель, – вкрадчиво сказал Пуаро. – Я думаю, из всех присутствующих вы обладаете самым сильным характером.

– Что вы! Я знаю человека, куда более сильного духом, чем я.

– И это...

Она вдруг опомнилась: до нее дошло, что она разговаривает с совершенно незнакомым человеком, к тому же иностранцем, с которым до этого утра не обменялась и десятком фраз. И засмеялась вежливо, но холодно:

– К примеру, хотя бы та старая дама. Вы, наверное, ее заметили. Очень уродливая старуха, но что-то в ней есть притягательное. Стоит ей о чем-нибудь попросить – и весь поезд бросается выполнять ее желание.

– Но точно так же бросаются выполнять желания моего друга мсье Бука, – сказал Пуаро. – Правда, не потому, что он умеет властвовать, а потому, что он директор этой линии.

Мэри Дебенхэм улыбнулась.

Близился полдень. Несколько человек, и Пуаро в их числе, оказались в ресторане. При такой ситуации хотелось скоротать время в компании. Пуаро услышал немало нового о дочери миссис Хаббард и о привычках ныне покойного мистера Хаббарда, начиная с того момента, когда, встав поутру, этот почтенный джентльмен ел кашу, и кончая тем, когда он ложился спать, надев носки работы миссис Хаббард.

Пуаро слушал довольно сбивчивый рассказ шведки о задачах миссионеров, когда в вагон вошел проводник и остановился у его столика:

– Разрешите обратиться, мсье.

– Слушаю вас.

– Мсье Бук просит засвидетельствовать свое почтение и спросить, не будете ли вы столь любезны на несколько минут зайти к нему.

Пуаро встал, принес свои извинения шведке и вышел вслед за проводником.

Это был не их, а другой проводник – высокий, крупный блондин.

Миновав вагон Пуаро, они пошли в соседний вагон. Постучавшись в купе, проводник пропустил Пуаро вперед. Они оказались не в купе мсье Бука, а в купе второго класса,

выбранном, по-видимому, из-за его большого размера. Однако несмотря на это, оно было битком набито.

В самом углу восседал на скамеечке мсье Бук. В другом углу, возле окна, созерцал сугробы коренастый брюнет. В проходе, мешая пройти Пуаро, стояли рослый мужчина в синей форме (начальник поезда) и проводник спального вагона Стамбул – Кале.

– Мой дорогой друг, наконец-то! – воскликнул мсье Бук. – Входите, вы нам очень нужны.

Человек у окна подвинулся. Протиснувшись, Пуаро сел напротив своего друга. На лице мсье Бука было написано смятение. Несомненно, произошло нечто чрезвычайное.

– Что случилось? – спросил Пуаро.

– И вы еще спрашиваете! Сначала заносы и вынужденная остановка. А теперь еще и это!..

Голос мсье Бука прервался, а у проводника спального вагона вырвался сдавленный вздох.

– Что – и это?

– А то, что в одном из купе лежит мертвый пассажир – его закололи.

В спокойном голосе мсье Бука сквозило отчаяние.

– Пассажир? Какой пассажир?

– Американец. Его звали... – Он заглянул в лежащие перед ним списки. – Рэтчетт...

Я не ошибаюсь... Рэтчетт?

– Да, мсье, – сглотнул слюну проводник. Пуаро взглянул на проводника – тот был блее мела.

– Разрешите проводнику сесть, – сказал Пуаро, – иначе он упадет в обморок.

Начальник поезда подвинулся; проводник тяжело опустился на сиденье и закрыл лицо руками.

– Брр! – Пуаро вздрогнул. – Это не шутки!

– Какие тут шутки! Убийство уже само по себе бедствие первой величины. А к тому же, учтите еще, что и обстоятельства его весьма необычны. Мы застряли и можем простоять здесь несколько часов кряду. Да что там часов – дней! И еще одно обстоятельство: почти все страны направляют представителей местной полиции на поезда, проходящие по их территории, а в Югославии этого не делают. Вы понимаете, как все осложняется?

– Еще бы, – сказал Пуаро.

– И это не все. Доктор Константин – извините, я забыл вас представить: доктор Константин, мсье Пуаро. – Коротышка брюнет и Пуаро обменялись поклонами. – Доктор Константин считает, что смерть произошла около часу ночи.

– В подобных случаях трудно сказать точно, но, по-моему, можно со всей определенностью утверждать, что смерть произошла между полуночью и двумя часами.

– Когда мистера Рэтчетта в последний раз видели живым? – спросил Пуаро.

– Известно, что без двадцати час он был жив и разговаривал с проводником, – ответил мсье Бук.

– Это верно, – сказал Пуаро, – я сам слышал этот разговор. И это последнее, что известно о Рэтчетте?

– Да.

Пуаро повернулся к доктору, и тот продолжал:

– Окно в купе мистера Рэтчетта было распахнуто настежь, очевидно, для того, чтобы у нас создалось впечатление, будто преступник ускользнул через него. Но мне кажется, что окно открыли для отвода глаз. Если бы преступник удрал через окно, на снегу остались бы следы, а их нет.

– Когда обнаружили труп? – спросил Пуаро.

– Мишель!

Проводник подскочил. С его бледного лица не сходило испуганное выражение.

– Подробно расскажите этому господину, что произошло, – приказал мсье Бук.

– Лакей этого мистера Рэтчетта постучал сегодня утром к нему в дверь, – сбивчиво начал проводник. – Несколько раз. Ответа не было. А тут час назад из ресторана приходит официант узнать, будет ли мсье завтракать. Понимаете, было уже одиннадцать часов. Я открываю дверь к нему своим ключом. Но дверь не открывается. Оказывается, она заперта еще и на цепочку. Никто не откликается. И оттуда тянет холодом. Окно распахнуто настежь, в него заносит снег. Я подумал, что пассажира хватил удар. Привел начальника поезда. Мы разорвали цепочку и вошли в купе. Он был уже... Ah, c'était terrible...¹⁸

И он снова закрыл лицо руками.

– Значит, дверь была заперта изнутри и на ключ, и на цепочку... – Пуаро задумался. – А это не самоубийство?

Грек язвительно усмехнулся.

– Вы когда-нибудь видели, чтобы самоубийца нанес себе не меньше дюжины ножевых ран? – спросил он.

У Пуаро глаза полезли на лоб.

– Какое чудовищное зверство! – вырвалось у него.

– Это женщина, – впервые подал голос начальник поезда, – верьте моему слову, это женщина. На такое способна только женщина.

Доктор Константин в раздумье наморщил лоб.

– Это могла сделать только очень сильная женщина, – сказал он. – Я не хотел бы прибегать к техническим терминам – они только запутывают дело, но один-два удара, прорезав мышцы, прошли через кость, а для этого, смею вас уверить, нужна большая сила.

– Значит, преступление совершил не профессионал? – спросил Пуаро.

– Никак нет, – подтвердил доктор Константин. – Удары, судя по всему, наносились как попало и наугад. Некоторые из них – легкие порезы, не причинившие особого вреда. Впечатление такое, будто преступник, закрыв глаза, в дикой ярости наносил один удар за другим вслепую.

– C'est une femme¹⁹, – сказал начальник поезда. – Они все такие. Злость придает им силы. – И он так многозначительно закивал, что все заподозрили, будто он делился личным опытом.

– Я мог бы, вероятно, кое-что добавить к тем сведениям, которые вы собрали, – сказал Пуаро. – Мистер Рэтчетт вчера разговаривал со мной. Насколько я понял, он подозревал, что его жизни угрожает опасность.

– Значит, его кокнули – так, кажется, говорят американцы? – спросил мсье Бук. – В таком случае убила не женщина, а гангстер или опять же бандит.

Начальника поезда уязвило, что его версию отвергли.

– Если даже убийца и гангстер, – сказал Пуаро, – должен сказать, что профессионалом его никак не назовешь.

В голосе Пуаро звучало неодобрение специалиста.

– В этом вагоне едет один американец, – сообщил мсье Бук: он продолжал гнуть свою линию, – рослый мужчина, весьма вульгарный и до ужаса безвкусно одетый. Он жует резинку и, видно, понятия не имеет, как вести себя в приличном обществе. Вы знаете, кого я имею в виду?

Проводник – мсье Бук обращался к нему – кивнул:

---

¹⁸ Ах, это было ужасно...

¹⁹ Это женщина.

– Да, мсье. Но это не мог быть он. Если бы он вошел в купе или вышел из него, я бы обязательно это увидел.

– Как знать... Как знать... Но мы еще вернемся к этому. Главное теперь решить, что делать дальше. – И он поглядел на Пуаро.

Пуаро, в свою очередь, посмотрел на мсье Бука.

– Ну пожалуйста, друг мой, – сказал мсье Бук, – вы же понимаете, о чем я буду вас просить. Я знаю, вы всемогущи. Возьмите расследование на себя. Нет, нет, бога ради, не отказывайтесь! Видите ли, для нас – я говорю о Международной компании спальных вагонов – это очень важно. Насколько бы все упростилось, если бы к тому времени, когда наконец появится югославская полиция, у нас было бы готовое решение! В ином случае нам грозят задержки, проволочки – словом, тысячи всяких неудобств. И кто знает – может быть, и серьезные неприятности для невинных людей?.. Но если вы разгадаете тайну, ничего этого не будет! Мы говорим: «Произошло убийство – вот преступник!»

– А если мне не удастся разгадать тайну?

– Друг мой, – зажурчал мсье Бук. – Я знаю вашу репутацию, знаю ваши методы. Это дело просто создано для вас. Для того чтобы изучить прошлое этих людей, проверить, не лгут ли они, нужно потратить массу времени и энергии. А сколько раз я слышал от вас: «Для того чтобы разрешить тайну, мне необходимо лишь усесться поудобнее и хорошенько подумать». Прошу вас, так и поступите. Опросите пассажиров, осмотрите тело, разберитесь в уликах, и тогда... Словом, я в вас верю! Я убежден, что это не пустое хвастовство с вашей стороны. Так, пожалуйста, усаживайтесь поудобнее, думайте, шевелите, как вы часто говорили, извилинами, и вы узнаете все. – И он с любовью посмотрел на своего друга.

– Ваша вера трогает меня, – сказал Пуаро взволнованно. – Вы сказали, что дело это нетрудное. Я и сам прошлой ночью... Не стоит пока об этом упоминать. По правде говоря, меня дело заинтересовало. Всего полчаса назад я подумал, что нам придется изрядно пошуровать в этих сугробах. И вдруг откуда ни возьмись готовая загадка!

– Значит, вы принимаете мое предложение? – нетерпеливо спросил мсье Бук.

– C'est entendu²⁰. Я берусь за это дело.

– Отлично! Мы все к вашим услугам.

– Для начала мне понадобится план вагона Стамбул – Кале, где будет указано, кто из пассажиров занимал какое купе, и еще я хочу взглянуть на паспорта и билеты пассажиров.

– Мишель вам все принесет.

Проводник вышел из вагона.

– Кто еще едет в нашем поезде? – спросил Пуаро.

– В этом вагоне едем только мы с доктором Константином. В бухарестском – один хромой старик. Проводник его давно знает. Есть и обычные вагоны, но их не стоит брать в расчет, потому что их заперли сразу после ужина. Впереди вагона Стамбул – Кале идет только вагон-ресторан.

– В таком случае, – сказал Пуаро, – нам, видно, придется искать убийцу в вагоне Стамбул – Кале. – Он обратился к доктору: – Вы на это намекали, не так ли?

Грек кивнул:

– В половине первого пополудни начался снегопад, и поезд стал. С тех пор никто не мог его покинуть.

– А раз так, – заключил мсье Бук, – убийца все еще в поезде. Он среди нас!

---

²⁰ Договорились.

Глава 6 Женщина?

– Для начала, – сказал Пуаро, – я хотел бы переговорить с мистером Маккуином. Не исключено, что он может сообщить нам ценные сведения.

– Разумеется. – Мсье Бук обратился к начальнику поезда: – Попросите сюда мистера Маккуина.

Начальник поезда вышел, а вскоре вернулся проводник с пачкой паспортов, билетов и вручил их мсье Буку.

– Благодарю вас, Мишель. А теперь, мне кажется, вам лучше вернуться в свой вагон. Ваши свидетельские показания по всей форме мы выслушаем позже.

– Хорошо, мсье.

Мишель вышел.

– А после того как мы побеседуем с Маккуином, – сказал Пуаро, – я надеюсь, господин доктор не откажется пройти со мной в купе убитого?

– Разумеется.

– А когда мы закончим осмотр...

Тут его прервали: начальник поезда привел Гектора Маккуина. Мсье Бук встал.

– У нас здесь тесновато, – приветливо сказал он. – Садитесь на мое место, мистер Маккуин, а мсье Пуаро сядет напротив вас – вот так. Освободите вагон-ресторан, – обратился он к начальнику поезда, – он понадобится мсье Пуаро. Вы ведь предпочли бы беседовать с пассажирами там, друг мой?

– Да, это было бы удобнее всего, – согласился Пуаро.

Маккуин переводил глаза с одного на другого, не успевая следить за стремительной французской скороговоркой.

– Qu'est-ce qu'il y a?... – старательно выговаривая слова, начал он. – Pourquoi?...²¹

Пуаро властным жестом указал ему на место в углу. Маккуин сел и снова повторил:

– Pourquoi?... – Но тут же, оборвав фразу, перешел на родной язык: – Что тут творится? Что-нибудь случилось? – И обвел глазами присутствующих.

Пуаро кивнул:

– Вы не ошиблись. Приготовьтесь – вас ждет неприятное известие: ваш хозяин – мистер Рэтчетт – мертв!

Маккуин присвистнул. Глаза его заблестели, но ни удивления, ни огорчения он не выказал.

– Значит, они все-таки добрались до него?

– Что вы хотите этим сказать, мистер Маккуин?

Маккуин замялся.

– Вы полагаете, что мистер Рэтчетт убит? – спросил Пуаро.

– А разве нет? – На этот раз Маккуин все же выказал удивление. – Ну да, – после некоторой заминки сказал он. – Это первое, что мне пришло в голову. Неужели он умер во сне? Да ведь старик был здоров, как, как... – Он запнулся, так и не подобрав сравнения.

– Нет, нет, – сказал Пуаро. – Ваше предположение совершенно правильно. Мистер Рэтчетт был убит. Зарезан. Но мне хотелось бы знать, почему вы так уверены в том, что он был убит, а не просто умер.

Маккуин заколебался.

---

²¹ В чем дело?... Почему?..

– Прежде я должен выяснить, – сказал он наконец, – кто вы такой? И какое отношение имеете к этому делу?

– Я представитель Международной компании спальных вагонов, – сказал Пуаро и, значительно помолчав, добавил: – Я сыщик. Моя фамилия Пуаро.

Ожидаемого впечатления это не произвело. Маккуин сказал только: «Вот как?» – и стал ждать, что последует дальше.

– Вам, вероятно, известна эта фамилия?

– Как будто что-то знакомое... Только я всегда думал, что это дамский портной²².

Пуаро смерил его полным негодования взглядом.

– Просто невероятно! – возмутился он.

– Что невероятно?

– Ничего. Неважно. Но не будем отвлекаться. Я попросил бы вас, мистер Маккуин, рассказать мне все, что вам известно о мистере Рэтчетте. Вы ему не родственник?

– Нет. Я его секретарь, вернее, был его секретарем.

– Как долго вы занимали этот пост?

– Чуть более года.

– Расскажите поподробнее об этом.

– Я познакомился с мистером Рэтчеттом чуть более года назад в Персии...

– Что вы там делали? – прервал его Пуаро.

– Я приехал из Нью-Йорка разобраться на месте в делах одной нефтяной концессии. Не думаю, чтобы вас это могло заинтересовать. Мои друзья и я здорово на ней погорели. Мистер Рэтчетт жил в одном отеле со мной. Он повздорил со своим секретарем и предложил его должность мне. Я согласился. Я тогда был на мели и обрадовался возможности, не прилагая усилий, получить работу с хорошим окладом.

– Что вы делали с тех пор?

– Разъезжали. Мистер Рэтчетт хотел посмотреть свет, но ему мешало незнание языков. Меня он использовал скорее как гида и переводчика, чем как секретаря. Обязанности мои были малообременительными.

– А теперь расскажите мне все, что вы знаете о своем хозяине.

Молодой человек пожал плечами. На его лице промелькнуло замешательство.

– Это не так-то просто.

– Как его полное имя?

– Сэмюэл Эдуард Рэтчетт.

– Он был американским гражданином?

– Да.

– Из какого штата он родом?

– Не знаю.

– Что ж, тогда расскажите о том, что знаете.

– Сказать по правде, мистер Пуаро, я решительно ничего не знаю. Мистер Рэтчетт никогда не говорил ни о себе, ни о своей жизни там, в Америке.

– И как вы считаете, почему?

– Не знаю. Я думал, может быть, он стесняется своего происхождения. Так бывает.

– Неужели такое объяснение казалось вам правдоподобным?

– Если говорить начистоту – нет.

– У него были родственники?

– Он никогда об этом не упоминал.

Но Пуаро не отступался:

---

²² Имеется в виду известный в ту пору модельер Пьер Пуаре.

– Однако, мистер Маккуин, вы наверняка как-то объясняли это для себя.

– По правде говоря, объяснял. Во-первых, я не верю, что его настоящая фамилия Рэтчетт. Я думаю, он бежал от кого-то или от чего-то и потому покинул Америку. Но до недавнего времени он чувствовал себя в безопасности.

– А потом?

– Потом он стал получать письма, угрожающие письма.

– Вы их видели?

– Да. В мои обязанности входило заниматься его перепиской. Первое из этих писем пришло две недели назад.

– Эти письма уничтожены?

– Нет, по-моему, парочка у меня сохранилась, а одно, насколько мне известно, мистер Рэтчетт в ярости разорвал в клочки. Принести вам эти письма?

– Будьте так любезны.

Маккуин вышел. Через несколько минут он вернулся и положил перед Пуаро два замызганных листка почтовой бумаги.

Первое письмо гласило:

«Ты думал надуть нас и надеялся, что это тебе сойдет с рук. Дудки, Рэтчетт, тебе от нас не уйти».

Подписи не было.

Пуаро поднял брови и, не сказав ни слова, взял второе письмо.

«Рэтчетт, мы тебя прихлопнем вскорости. Знай, тебе от нас не уйти!»

Пуаро отложил письмо.

– Стиль довольно однообразный, – сказал Пуаро, – а вот о почерке этого никак не скажешь.

Маккуин воззрился на него.

– Вы не могли этого заметить, – сказал Пуаро любезно, – тут нужен опытный глаз. Письмо это, мистер Маккуин, писал не один человек, а два, если не больше. Каждый по букве. Кроме того, его писали печатными буквами, чтобы труднее было определить, кто писал. – Помолчав, он добавил: – Вы знали, что мистер Рэтчетт обращался ко мне за помощью?

– К вам?

Изумление Маккуина было настолько неподдельным, что Пуаро поверил молодому человеку.

– Вот именно, – кивнул Пуаро. – Рэтчетт был очень встревожен. Расскажите, как он вел себя, когда получил первое письмо?

Маккуин ответил не сразу.

– Трудно сказать. Он вроде бы посмеялся над ним, во всяком случае, из спокойствия оно его не вывело. Но все же, – Маккуин пожал плечами, – я почувствовал, что в глубине души он встревожен.

Пуаро опять кивнул.

– Мистер Маккуин, – неожиданно спросил он, – вы можете сказать без утайки, как вы относились к своему хозяину? Он вам нравился?

Гектор Маккуин помедлил с ответом.

– Нет, – сказал он наконец, – не нравился.

– Почему?

– Не могу сказать точно. Он был неизменно обходителен. – Секретарь запнулся, потом добавил: – Честно говоря, мсье Пуаро, мне он не нравился, и я ему не доверял. Я уверен, что

он был человеком жестоким и опасным. Хотя должен признаться, подкрепить свое мнение мне нечем.

– Благодарю вас, мистер Маккуин. Еще один вопрос: когда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта живым?

– Вчера вечером, около... – Он с минуту подумал. – Пожалуй, около десяти часов. Я зашел к нему в купе записать кое-какие указания.

– Насчет чего?

– Насчет старинных изразцов и керамики, которые он купил в Персии. Ему прислали совсем не те, что он выбрал. По этому поводу мы вели длительную и весьма утомительную переписку.

– И тогда вы в последний раз видели мистера Рэтчетта живым?

– Пожалуй, что так.

– А вы знаете, когда мистер Рэтчетт получил последнее из угрожающих писем?

– Утром того дня, когда мы выехали из Константинополя.

– Я должен задать вам еще один вопрос, мистер Маккуин. Вы были в хороших отношениях с вашим хозяином?

В глазах молодого человека промелькнули озорные искорки.

– От этого вопроса у меня, очевидно, должны мурашки по коже забегать. Но как пишут в наших детективных романах: «Вы мне ничего не пришьете» – я был в прекрасных отношениях с Рэтчеттом.

– Не откажите сообщить ваше полное имя и ваш адрес в Америке.

Секретарь продиктовал свое полное имя – Гектор Уиллард Маккуин – и свой нью-йоркский адрес.

Пуаро откинулся на спинку дивана.

– Пока все, мистер Маккуин, – сказал он. – Я был бы очень вам обязан, если бы вы некоторое время хранили в тайне смерть мистера Рэтчетта.

– Его лакей Мастермэн все равно об этом узнает.

– Скорее всего он уже знает, – недовольно сказал Пуаро. – Но если и так, проследите, чтобы он попридержал язык.

– Это совсем нетрудно. Он англичанин и, по его собственным словам, «с кем попало не якшается». Он невысокого мнения об американцах и вовсе низкого о представителях всех других национальностей.

– Благодарю вас, мистер Маккуин.

Американец ушел.

– Ну? – спросил мсье Бук. – Вы верите тому, что вам рассказал этот молодой человек?

– Мне показалось, что он говорил откровенно и честно. Будь он замешан в убийстве, он наверняка притворился бы, будто любил своего хозяина. Правда, мистер Рэтчетт не сообщил ему, что он старался заручиться моими услугами, но мне это обстоятельство не кажется подозрительным. Сдается, покойник отличался скрытным нравом.

– Значит, одного человека вы считаете свободным от подозрений? – бодро сказал мсье Бук.

Пуаро кинул на него полный укора взгляд.

– Нет, нет, я до последнего подозреваю всех, – сказал он. – И тем не менее должен признаться, что просто не могу себе представить, чтобы Маккуин – сама трезвость и осмотрительность – вдруг настолько вышел из себя, что нанес своей жертве не меньше дюжины ударов. Это не вяжется с его характером, никак не вяжется.

– Да... – Мсье Бук задумался. – Так мог поступить человек в припадке ярости, чуть ли не бешенства, что скорее наводит на мысль о латинянине или, как утверждает наш друг, начальник поезда, о женщине.

Глава 7

Труп

Пуаро в сопровождении доктора Константина прошел в соседний вагон и направился в купе, где лежал убитый. Подоспевший проводник открыл им дверь своим ключом.

Когда они вошли в купе, Пуаро вопросительно взглянул на своего спутника:

– В купе что-нибудь переставляли?

– Нет, ничего не трогали. При осмотре я старался не сдвинуть тела.

Кивнув, Пуаро окинул взглядом купе.

Прежде всего он обратил внимание на то, что купе совсем выстыло. Окно в нем было распахнуто настежь, а штора поднята.

– Брр... – поежился Пуаро. Доктор самодовольно улыбнулся.

– Я решил не закрывать окно, – сказал он.

Пуаро внимательно осмотрел окно.

– Вы поступили правильно, – объявил он. – Никто не мог покинуть поезд через окно.

Вполне вероятно, что его открыли специально, чтобы натолкнуть нас на эту мысль, но если и так, снег разрушил планы убийцы. – Пуаро тщательно осмотрел раму. И, вынув из кармана маленькую коробочку, посыпал раму порошком. – Отпечатков пальцев нет, – сказал он. – Значит, раму вытерли. Впрочем, если бы отпечатки и были, это бы нам мало что дало. Скорее всего это оказались бы отпечатки Рэтчетта, его лакея и проводника. В наши дни преступники больше не совершают таких ошибок. А раз так, – продолжал он бодро, – окно вполне можно и закрыть – здесь просто ледник.

Покончив с окном, он впервые обратил внимание на распростертый на полке труп. Рэтчетт лежал на спине. Его пижамная куртка, вся в ржавых пятнах крови, была распахнута на груди.

– Сами понимаете, мне надо было определить характер ранений, – объяснил доктор.

Пуаро склонился над телом. Когда он выпрямился, лицо его скривилось.

– Малоприятное зрелище, – сказал он. – Убийца, должно быть, стоял тут и наносил ему удар за ударом. Сколько ран вы насчитали?

– Двенадцать. Одна или две совсем неглубокие, чуть ли не царапины. Зато три из них, напротив, смертельные.

Какие-то нотки в голосе доктора насторожили Пуаро. Он вперился в коротышку грека: собрав гармошкой лоб, тот недоуменно разглядывал труп.

– Вы чем-то удивлены, не правда ли? – вкрадчиво спросил Пуаро. – Признайтесь, мой друг, что-то вас озадачило?

– Вы правы, – согласился доктор.

– Что же?

– Видите эти две раны, – и доктор ткнул пальцем, – здесь и здесь. Нож прошел глубоко – перерезано много кровеносных сосудов... И все же... края ран не разошлись. А ведь из таких ран кровь должна была бы бить ручьем.

– Что из этого следует?

– Что когда Рэтчетту нанесли эти раны, он уже был какое-то время мертв. Но это же нелепо!

– На первый взгляд да, – сказал Пуаро задумчиво. – Хотя, конечно, убийца мог вдруг решить, что не добил свою жертву, и вернуться обратно, чтобы довести дело до конца, однако это слишком уж нелепо! А что еще вас удивляет?

– Всего одно обстоятельство.

– И какое?

– Видите вот эту рану, здесь, около правого плеча, почти под мышкой? Возьмите мой карандаш. Могли бы вы нанести такую рану?

Пуаро занес руку.

– Я вас понял. Правой рукой нанести такую рану очень трудно, едва ли возможно. Так держать нож было бы неловко. Но если нож держать в левой руке...

– Вот именно, мсье Пуаро. Эту рану почти наверняка нанесли левой рукой.

– То есть вы хотите сказать, что убийца – левша? Нет, дело обстоит не так просто. Вы со мной согласны?

– Совершенно согласен, мсье Пуаро. Потому что другие раны явно нанесены правой рукой.

– Итак, убийц двое. Мы снова возвращаемся к этому, – пробормотал сыщик. – А свет был включен? – неожиданно спросил он.

– Трудно сказать. Видите ли, каждое утро около десяти проводник выключает свет во всем вагоне.

– Это мы узнаем по выключателям, – сказал Пуаро.

Он обследовал выключатель верхней лампочки и ночника у изголовья. Первый был выключен. Второй включен.

– Ну что ж, – задумчиво сказал он. – Разберем эту версию. Итак, Первый и Второй убийцы, как обозначил бы их великий Шекспир. Первый убийца закалывает свою жертву и, выключив свет, уходит из купе. Входит Второй убийца, но в темноте не замечает, что дело сделано, и наносит мертвецу по меньшей мере две раны. Что вы на это скажете?

– Великолепно! – вне себя от восторга, воскликнул маленький доктор.

Глаза Пуаро насмешливо блеснули.

– Вы так считаете? Очень рад. Потому что мне такая версия показалась противоречащей здравому смыслу.

– А как иначе все объяснить?

– Этот же вопрос и я задаю себе. Случайно ли такое стечение обстоятельств или нет? И нет ли еще каких-либо несообразностей, указывающих на то, что в этом деле замешаны двое?

– Я думаю, на ваш вопрос можно ответить утвердительно. Некоторые раны, как я уже указывал, свидетельствуют о слабой физической силе, а может, и о слабой решимости. Это немощные удары, слегка повредившие кожу. Но вот эта рана и вот эта... – Он ткнул пальцем. – Для таких ударов нужна большая сила: нож прорезал мышцы.

– Значит, такие раны, по вашему мнению, мог нанести только мужчина?

– Скорее всего.

– А женщина?

– Молодая, здоровая женщина, к тому же спортсменка, способна нанести такие удары, особенно в припадке гнева. Но это, на мой взгляд, в высшей степени маловероятно.

Минуты две Пуаро молчал.

– Вы меня поняли? – нетерпеливо спросил врач.

– Еще бы. Дело проясняется прямо на глазах! Убийца – мужчина огромной физической силы, он же мозгляк, он же женщина, он же левша и правша одновременно. Да это же просто смешно! – И, неожиданно рассердившись, продолжил: – А жертва, как она ведет себя? Кричит? Оказывает сопротивление? Защищается?

Пуаро сунул руку под подушку и вытащил автоматический пистолет, который Рэтчетт показал ему накануне.

– Как видите, все патроны в обойме, – сказал он.

Они оглядели купе. Одежда Рэтчетта висела на крючках. На столике – его заменяла откидная крышка умывальника – стояли в ряд стакан с водой, в котором плавала вставная

челюсть, пустой стакан, бутылка минеральной воды, большая фляжка, пепельница с окурком сигары, лежали обуглившиеся клочки бумаги и две обгорелые спички.

Доктор понюхал пустой стакан.

– Вот почему Рэтчетт не сопротивлялся, – сказал он вполголоса.

– Его усыпили?

– Да.

Пуаро кивнул. Он держал спички и внимательно их разглядывал.

– Значит, вы все-таки нашли улики? – нетерпеливо спросил маленький доктор.

– Эти спички имеют разную форму, – объяснил Пуаро. – Одна из них более плоская.

Видите?

– Такие спички в картонных обложках продают здесь, в поезде, – сказал доктор.

Пуаро обшарил карманы Рэтчетта, вытащил оттуда коробок спичек. И снова внимательно сравнил две спички.

– Толстую спичку зажег мистер Рэтчетт, – сказал он. – А теперь надо удостовериться, не было ли у него и плоских спичек тоже.

Но дальнейшие поиски не дали никаких результатов.

Пуаро рыскал глазами по купе. Казалось, от его пристального взгляда ничто не ускользает. Вдруг он вскрикнул, нагнулся и поднял с полу клочок тончайшего батиста с вышитой в углу буквой Н.

– Женский носовой платок, – сказал доктор. – Наш друг начальник поезда оказался прав. Тут замешана женщина.

– И для нашего удобства она оставила здесь свой носовой платок! – сказал Пуаро. – Точь-в-точь как в детективных романах и фильмах. А чтобы облегчить нам задачу, еще вышила на нем инициалы.

– Редкая удача! – радовался доктор.

– Вот как? – спросил Пуаро таким тоном, что доктор насторожился.

Но прежде чем тот успел задать вопрос, Пуаро быстро нагнулся и снова что-то поднял. На этот раз на его ладони оказался ершик для чистки трубок.

– Не иначе как ершик мистера Рэтчетта? – предположил доктор.

– В карманах мистера Рэтчетта не было ни трубки, ни табака, ни кисета.

– Раз так, это улика.

– Еще бы! Притом опять же подброшенная для нашего удобства. И заметьте, на этот раз улика указывает на мужчину. Да, улик у нас более чем достаточно. А кстати, что вы сделали с оружием?

– Никакого оружия мы не нашли. Убийца, должно быть, унес его с собой.

– Интересно почему? – задумался Пуаро.

– Ах! – вдруг вскрикнул доктор, осторожно обшаривавший пижамные карманы убитого. – Совсем упустил из виду. Я сразу распахнул куртку и поэтому забыл заглянуть в карманы.

Он вытащил из нагрудного кармана пижамы золотые часы. Их корпус был сильно погнут, стрелки показывали четверть второго.

– Вы видите? – нетерпеливо закричал доктор Константин. – Теперь мы знаем время убийства. Мои подсчеты подтверждаются. Я ведь говорил – между двенадцатью и двумя, скорее всего около часу, хотя точно в таких делах сказать трудно. И вот вам подтверждение – часы показывают четверть второго. Значит, преступление было совершено в это время.

– Не исключено, что так оно и было. Не исключено.

Доктор удивленно посмотрел на Пуаро:

– Простите меня, мсье Пуаро, но я не вполне вас понимаю.

– Я и сам не вполне себя понимаю, – сказал Пуаро. – Я ничего вообще не понимаю, и, как вы могли заметить, это меня тревожит. – Он с глубоким вздохом склонился над столиком, разглядывая обуглившиеся клочки бумаги. – Мне сейчас крайне необходима, – бормотал он себе под нос, – старомодная шляпная картонка.

Доктор Константин совсем опешил, не зная, как отнестись к такому необычному желанию. Но Пуаро не дал ему времени на расспросы. Открыв дверь, он позвал из коридора проводника. Проводник не заставил себя ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.